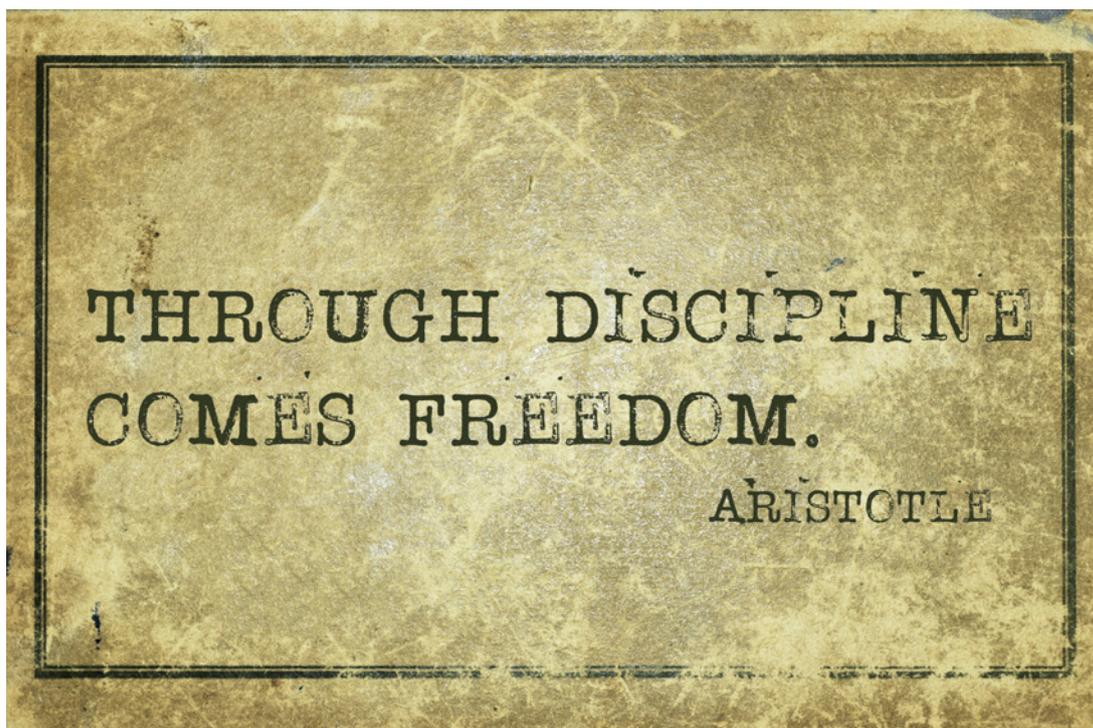

Симон Соловейчик

Свобода и дисциплина

Москва
«Первое сентября»
2017

Почему учитель боится дать свободу детям?

Что, учитель – враг детям? Властолюбец? Тиран по природе?

Конечно, нет. Просто сама идея свободы в обыденном педагогическом сознании противоречит главному условию нормальной школьной жизни – дисциплине.

Мы внутренне сопротивляемся свободе, потому что боимся, не разрушит ли она дисциплину и, следовательно, не разрушит ли она школу.

Школа в нашем сознании – это прежде всего порядок. Учитель не может учить и ничему не научит, если в классе нет дисциплины. Чуть жестче, чуть мягче, но дисциплина. Это очевидно.

А свобода, кажется нам, свобода противоречит дисциплине. Свобода ведь и состоит, полагаем мы, в отсутствии дисциплины, иначе какая же это свобода.

Мы размышляем: или свобода, или дисциплина. И выбираем, разумеется, дисциплину, потому что без нее нельзя. Без свободы проживем, а без дисциплины на уроке – нет.

Свободе в таком выборе не остается места. Но так ли это все в действительности? Существует ли выбор, существует ли противоречие между свободой и дисциплиной? Противоположна ли свобода дисциплине?

Что такое дисциплина?

Каждый учитель из опыта своего знает, что такое дисциплина и как трудно в классе, который не слушает, не слышит учителя.

Дисциплина в распространенном понимании – это послушание, подчинение школьным порядкам. Дисциплина – это подчинение. *Discipulus* – ученик; ученик обязан слушаться учителя.

Но для чего? Чтобы учитель мог учить, чтобы класс и каждый из учеников в отдельности работали – учились и продвигались вперед, иначе школа перестает быть школой.

Значит, конечный смысл дисциплины не в послушании, а в работе, в работоспособности класса и ученика.

Дисциплина – это не послушание, а трудоспособность, сосредоточение на работе.

Дисциплинированный класс не тот, где все сидят и смотрят в рот учителю, боясь под страхом окрика или наказания шелохнуться, а тот, который работает на уроке. Все работают. Все заняты делом – слушают объяснения учителя, обсуждают проблемы вместе или в маленьких группах, решают задачи, проводят опыты.

Все работают с известным напряжением сил и потому продуктивно.

Дисциплина класса измеряется продуктивностью его работы. И больше ничем. Точно так же дисциплина в армии измеряется боеспособностью части.

И вот тут начинается главное. Вдумаемся, и мы увидим, что работа, работоспособность, продуктивность школьного класса достигаются не одним только, а двумя способами, между которыми нам и приходится выбирать.

В действительности учитель выбирает не между дисциплиной и свободой, а между одним или другим способом достижения дисциплины.

...Задержитесь, пожалуйста, на этой мысли. Если ее понять и принять, то мы увидим, что между свободой и дисциплиной вообще нет никакого противоречия и что весь вопрос переносится в новую плоскость: какими способами добывается дисциплина.

Один способ достижения дисциплины – с применением репрессивных средств: замечание, суровый голос учителя, окрик, угроза, плохая отметка, наказание и его высшая мера – исключение. Этот репрессивный, агрессивный метод чаще всего порождает ответную агрессию ученика. Иногда ее удается подавить, иногда нет – тогда этого ученика рассматривают как недисциплинированного со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до колонии.

Такой метод, такую школу принято называть авторитарными, но это не совсем правильно, потому что авторитет учителя необходим в любой школе; учитель без авторитета, учитель, с которым дети не считаются, – не учитель. Сущность такой школы не в том, что она авторитарная, а в том, какими способами добывается учительский авторитет – репрессивными или какими-то иными.

Почему репрессивная школа превращается в элитарную?

Репрессивный учитель властвует над телами: «Сиди тихо!» Его гордость: «У меня не побалуешь!» Он сковывает ученика невидимыми цепями и наручниками, затыкает ему рот незаметным со стороны кляпом – и в этом виде обучает его, закованного и обездвиженного. Такой учитель и не замечает, что он тем самым сковывает мысль, которую сам же старается и пробудить. Потом он удивляется тщетности своих усилий и сердится на учеников: «Безмозглые! И за что мне такое наказание?»

Чтобы быть репрессивным учителем, не нужно быть добрым, не нужно любить детей и на уроке не нужно ни правды в речах, ни справедливости в отношениях. Достаточно иметь характер и гнуть свою линию последовательно, чтобы каждый ученик знал, что он не избежит замечания или наказания, если шелохнется.

Особенно обострилось положение с тех пор, как учитель был лишен главного и самого действенного средства репрессий – физического наказания. С этого времени репрессивный метод стал малодейственным. Собственно говоря, с запретом на физические наказания и начался распад репрессивной школы. И если бы учителя не обращались к родителям с плохо скрытой просьбой поучить, то есть побить сына или дочь (что и происходит в действительности), репрессивная школа давно бы прекратила свое существование – учителя были бы не в силах справиться с учениками. Сегодня традиционная школа – надо признать это – во многом держится на родительском ремне, и если родители плохо смотрят за учеником, то есть не наказывают его так или иначе за плохие отметки, то с ним и сладу нет.

Репрессивная школа выглядит хорошей школой. Поскольку талантливых детей, способных пробиться через муштру и сохранить внутреннее достоинство, внутреннюю свободу, довольно много, такая школа почти всегда может похвастаться и выдающимися учениками, что сильно укрепляет ее позиции.

Но это относится лишь к детям, у которых от природы есть привилегия таланта. Репрессивная школа – школа в высшей степени элитарная, она способна учить лишь отобран-

ных, талантливых детей, хоть и замедляет их развитие. Учеников же среднеспособных и малоспособных она губит, отучает от свободы и самостоятельности, приучает лишь к внешней дисциплине. За порогом школы, лишённые надзора, они порой превращаются в распущенных людей, не имеющих ни малейшего представления о дисциплине, – и в этом страшный вред репрессивной школы для общества. Одних она действительно учит, других выпускает агрессивно настроенными против общества людьми. Причем первых заметно меньше, чем вторых.

Дисциплина, добытая репрессивными методами, ведет к привычке не подчиняться законам, создает слабые характеры – людей с низкой или, наоборот, неоправданно высокой самооценкой. Она требует все ужесточающихся методов и выбрасывает из школы большое количество подростков. Именно в такой чисто внешней школьной дисциплине и в борьбе подростка с нею формируются будущие преступники.

Почему продуктивна старая школа?

Однако не бывает же так, чтобы все были не правы, чтобы лишь кучка умников видела опасность репрессивной школы, а большинство учителей не видели ее. В чем-то кроется секрет: отчего репрессивная школа так упорно цепляется за жизнь, отчего таких школ в сотни раз больше, чем новых, свободных?

Говорят, что прежнее государство нарочно поддерживало именно традиционные школы, потому что ему, государству, нужны были послушные исполнители – и так далее, каждому известны рассуждения такого рода. Но ведь учителя в большинстве своем прекрасные люди, и не так уж они были забиты, что послушно растили послушных. Тайна, объясняющая, почему так прочны позиции репрессивной школы, состоит в том, что в некоторых случаях она бывает продуктивна.

В репрессивной школе ученика заставляют заниматься и хорошо вести себя на уроке. У талантливого ученика подчинение дисциплине иногда (но не всегда, это дело случая и природы) переходит в самодисциплину, в привычку работать напряженно и много. Он привыкает к этому принуждению, принимает его как данное и в конечном счете перестает тяготиться им: мол, такова жизнь, и другой он не знает, не видел, не представляет себе. Так учатся все, так учились его родители.

Да и средний ученик – если он подчиняется правилам, ему удастся избежать репрессий (в этом смысл существования многих школьников – избежать возможных репрессий), он реально получает и добывает знания, а вместе с ними достигает и определенного уровня развития. Ведь на самом деле дилеммы «знания или развитие» нет; вопрос, поставленный Л. Выготским, выглядит так: идет ли развитие за знанием или знание за развитием? В репрессивной школе знание идет прежде развития, поэтому ученикам приходится много зубрить. Однако в конечном счете они получают и развитие, хотя бы потому, что само приобретение знаний, особенно в старших классах, требует не одной только памяти, но и довольно изощренного ума, особенно на уроках математики, физики, химии.

Именно этот способ учения традиционно считается надежным, его история уходит в глубь веков! Поэтому так называемые строгие школы с жесткой учебной дисциплиной часто считаются лучшими, их выпускники почти всегда поступают в вузы, ибо те, кто не способен подчиниться или мало способен к учению, отсеиваются еще в младших

классах. Родители, особенно интеллигентные или (новое явление) богатые, обычно предпочитают именно такую школу, потому что иным из них ничего, кроме путевки в институт, не требуется. Редкие родители стремятся воспитать своего ребенка свободным и потому ищут свободную школу.

Однако тут и ловушка для родителей, для школы и общества.

Возможна ли самостоятельность без свободы?

С подозрением относясь к свободе, все между тем мечтают, чтобы их дети выросли самостоятельными, не висели на шее у семьи, а наоборот, сами могли, когда вырастут, создать и поддерживать семью. Ведь превращение детей в родителей – биологический смысл воспитания. Противоречие лишь в том, что детей растят послушными, а от будущих родителей требуется нечто противоположное – самостоятельность. Но всегда ли удастся воспитать самостоятельных из послушных? Такое превращение равнозначно чуду, а чудеса всегда редки.

Выход из этого противоречия можно найти, если мы заметим, что свобода и самостоятельность – это почти одно и то же. Не бывает свободы без самостоятельности и самостоятельности без свободы. Лишив ребенка свободы, отдав его в репрессивную школу, родители подрывают будущую его самостоятельность. Могут сослаться на опыт закрытых привилегированных лицеев в западных странах. Но ведь из них выходят в основном государственные чиновники высокого класса, люди, которым по роду службы противопоказана самостоятельность, которые будут двигаться по жизни за счет семейных связей и формального образования.

...Но что же делать, думает учитель? Если не пресекать баловников, а то и хулиганов, если не принуждать лентяев, если не вызывать родителей, если не записывать в дневник: «Вертелся на уроке географии», если не угрожать: «Останешься на второй год», – то как же установить дисциплину в классе? Другого способа нет. Пойдите попробуйте, станьте на мое место. Видали мы этих добреньких или слабохарактерных учителей – класс у них на шее сидит, учеников не перекричать. Что хотят, то и делают с учителем.

Однако другой способ дисциплинирования есть.

Как рождается дисциплина в свободной школе?

Собственно говоря, из-за него-то и идет скрытый спор между традиционной и новой школой, между школой агрессивно-репрессивной и свободной, причем спор этот идет уже лет сто, если не больше, он лишь обострился сегодня, стал актуальнее.

Второй способ – это вовлечение учеников в работу; система мотиваций, которая делает каждую работу нужной для учеников; творческий характер работы.

Вовлечение! Сотрудничество! Учитель был и остается авторитетным и даже авторитарным человеком, он может распоряжаться и командовать, он действительно руководит классом и его работой – но руководит, вовлекая детей в работу, а не подавляя непослушание.

Сила репрессивного учителя – в характере, голосе, злом взгляде, во власти.

Сила свободного учителя – в мастерстве, в умении вовлечь каждого, в умении организовать работу так, что каждому есть дело по способностям его.

Свободный учитель властвует не над ребенком, а над делом. Над ребенком он не властвует – ни над умом его, ни над душой, ни над телом. Ум, душа и тело ребенка остаются свободными на самом напряженном уроке.

Учитель не властвует, а общается. Это и принято называть сотрудничеством с детьми: класс и учитель в общей работе. Такую школу называют свободной вовсе не потому, что дети делают что хотят и берут власть над учителем, а потому, что дети не знают подавления, принуждения, насилия над собой, они действительно чувствуют себя свободными и вырастают свободными людьми. Класс работоспособен, то есть дисциплинирован без дисциплинирующих приемов, без репрессий, без учительской агрессии.

При этом сама работа, само общение с учителем, сама атмосфера в классе пробуждают и обостряют совесть ребенка. Совестьливый – и потому свободный. Свободный – и потому совестьливый.

Таким образом, практический ответ на вопрос, как воспитать свободного человека, кроется не в противопоставлении свободы дисциплине, а в умении организовать урок, на котором все дети вовлечены в работу так, что дисциплинирующие, репрессивные методы становятся ненужными. Это значит, что на наших традиционных уроках, построенных по известной схеме «Пришел, спросил урок, закрепил, дал задание на дом, ушел», воспитание свободных маловероятно и свободные дети вырастают лишь как исключение – если у них от природы сильные характеры, которые не удастся сломить даже и учителю.

Свобода школьника начинается с урока.

Почему авторитет не противоречит свободе?

Традиционный урок в репрессивной школе строится везде по одной схеме, поэтому учителя такой школы легко могут заменять один другого, а дети могут посещать любую школу – они всюду найдут одно и то же, одни и те же правила и порядки. Традиционная схема упрощена до последнего предела с тем, чтобы преподавать мог любой учитель, независимо от его человеческих качеств, лишь бы он хоть приблизительно знал предмет.

Это принуждение однообразно, оно различается лишь степенью свирепости.

Не то с уроками в свободной школе. Свобода разнообразна до бесконечности. Традиционная школа одна, альтернативных может быть бесчисленное множество.

Наиболее распространенный вариант альтернативного, нетрадиционного, нерепрессивного обучения – это не особые школы с совершенно не похожими на привычные всем уроки, а уроки больших мастеров в обычных школах. Они прекрасно вписываются в обычное расписание, и не все замечают, что это уроки совершенно иного типа. Секрет больших мастеров в том, что они обладают почти непререкаемым личным авторитетом – это авторитет ума, души, взгляда на мир, доброты, словом – личности. Дети попадают под обаяние личности настолько, что происходит главное – принуждение становится ненужным. Обычно такой учитель ведет уроки ясно, энергично, увлекательно – и дети отдаются учителю, не теряя при этом своей личной свободы.

Как правило, и такой учитель не может обучить всех, но и слабые ученики не чувствуют себя на его уроках униженными.

На таких уроках выясняется, что совсем не обязательно прибегать к изощренным методам и вовлекать детей в работу искусственным образом. Дети просто сидят и слушают, а учитель говорит – но как!

В этом все дело. Одни речи усыпляют или подавляют мысль, другие заставляют ум работать.

Учителя такого ранга иногда бывают с виду даже и жесткими, особенно в старших классах; с ним не поторгуешься из-за отметки, к нему не опоздаешь на урок: испепелит взглядом или пошутит так, что больше не захочется опаздывать.

И все же – вот загадка! – ученики в самом деле чувствуют себя свободными, больше того, они принимают такого учителя как образец свободного человека, как пример для подражания. В классе строжайшая дисциплина, какая бывает, например, в небольшой научной лаборатории в ту пору, когда идут к большому открытию: все захвачены перспективами.

Это свобода авторитетного учителя, которому не приходится прибегать к принуждению именно в силу его авторитета, его видимого и всеми признаваемого личностного превосходства. Ведь внутренне свободный человек вовсе не тот, кто не признает никаких авторитетов; свободный тот, кто ценит свободных.

Обычно такие учителя бывают в старших классах, чаще всего они математики или физики, реже – литераторы. Они и не думают о свободе, не заботятся о ней, они владеют ею как бы прирожденно, они просто не способны угнетать, они освобождают ребенка каждым своим словом и поступком.

А со стороны все то же – пришел, спросил, рассказал... Однако что рассказал? В десяти случаях из десяти такие учителя говорят детям нечто иное, чем все, нечто такое, чего не найдешь в наших очень плохих учебниках. Они преподают свое, самими открытое, понятное, найденное и тем-то и поражают учеников. Обычно за такими учителями записывают, боясь проронить хоть слово, и в классе стоит совершенная тишина.

Но им бывает плохо в несвободной школе. Им завидуют коллеги, их обвиняют в отступлении от программы, их независимость объясняют заносчивостью, они кажутся слишком гордыми, а то и неуживчивыми – взрослые порой понимают их хуже, чем дети, потому что дети в общем-то ближе к свободе, чем взрослые. Да и ученики у них выглядят какими-то гордецами – кто ж это стерпит?

Почему в младших классах любовь важнее авторитета?

В младших классах слишком сильный авторитет учителя может быть и опасным, потому что маленькие дети подчиняются ему бездумно. Здесь основание свободы – любовь учителя к детям и общение детей между собой. Здесь свобода на традиционном уроке практически невозможна. Поэтому именно в младших классах идет поиск альтернативных форм обучения – всем известны методы Монтессори, вальдорфской школы, школы Френе, системы Занкова, Амонашвили, Лысенковой, Лобка и многих

других; здесь, повторимся, разнообразие бесконечно, потому что и цели обучения в начальной школе тоже могут варьироваться: одни учителя больше озабочены развитием ума (развивающее обучение), другие – интуиции, третьих волнует эмоциональная сфера, четвертых – отношения, пятые претендуют на всестороннее развитие. Не стоит только считать избранное направление единственно правильным.

Мировая практика склоняется к тому, чтобы дать маленькому ученику хоть некоторую возможность выбирать занятие по душе, и все стремятся разрушить жесткие рамки урока и класса: классно-урочная система особенно опасна в младшем возрасте, она заставляет всех шагать в ногу как раз в том возрасте, когда у всех разные темпы развития. Что может быть страшнее для маленького человека, чем остаться на второй год в первом классе? Поэтому в мире предпочитают начальную шестилетнюю школу с одним учителем и без перевода из класса в класс. Или другой, обратный вариант: каждый учитель ведет класс лишь один год (одна учительница всегда берет первый класс, вторая – всегда второй и так далее). При этой системе ученик не попадает в жесткую зависимость от одного учителя, и если он плохо чувствовал себя с одной учительницей, то при другой сможет раскрыться.

Свобода в младших классах – это самораскрытие, свобода в средних – самоутверждение, свобода в старших – самоопределение. Соответственно и дисциплина достигается разными способами, и цели ее меняются.

Итак, свобода не противоречит дисциплине, а укрепляет ее. Свобода не разрушает школу, а воссоздает ее. Школа больше не может жить с репрессивной педагогикой – хотя бы потому, что такая педагогика в современных условиях ведет к потере тысяч и тысяч учеников. Поворот к свободе очень труден, почти невозможен сегодня, но порыв к свободе и умение жить на свободе растут в стране, и это будет сказываться на школе.

Будущее, несомненно, за свободной школой – в этом сомневаться нельзя. Но уже сегодня первые строчки нашей газеты: «Вы блестящий учитель, у вас прекрасные ученики» – можно прочитать и так: «Вы свободный учитель, у вас свободные ученики».

«ПС», № 11, 1994 г.